

Несколько дней назад глухой ночью, желая обрести покой в душе, Цинь Чжо принялсЯ переписывать «Поучение перед походом». На середине дела его бесцеремонно прервал Тань Ци, устроивший пьяный дебош, а тут ещё Цинь Сыминь позвала на охоту. Он так и ушёл, наспех сунув сложенный лист за пазуху.

Позже, пытаясь высчитать заклинание для поиска Чжоу Фу и безуспешно стараясь уснуть, он от скуки дописал остаток текста. Нарочно не придумаешь: листок, оказавшийся в руках Лю Бэя, содержал в себе полный текст «Поучения перед походом».

— О, «Поучение перед походом»? Дай-ка взглянуть, — Лю Бэй принял бумагу из рук Цинь Чжо.

Опустив взгляд, он замер. Первая же строчка врезалась в память.

«Покойный император скончался, едва успев начать великое дело. Ныне Поднебесная разделена на трое, земли Ичжоу истощены — поистине настал час смертельной угрозы...»

Лю Бэй невольно вздрогнул. В разуме его что-то помутилось, мысли запутались.

— Кунмин...

Будучи когда-то владыкой государства, он быстро овладел собой и продолжил чтение.

Скользя глазами по именам Го Юйчжи, Фэй И, Дун Юня, Сян Чуна... вчитываясь в чины придворцев, министров, советников и военачальников, Лю Бэй словно воочию узрел тусклый, колеблющийся огонек светильника. Ему почудилась усохшая рука Чжугэ Ляна, сжимающая кисть, выводящая иероглиф за иероглифом под тяжелые вздохи. Он видел, как Кунмин ведёт за собой войско в клубах дорожной пыли, и как ветер треплет его седые пряди.

Пальцы Лю Бэя задрожали. Это послание... Эта декларация не походила на обычный доклад государю.

Она звучала как предсмертное завещание.

Помня, что он здесь не один, он поспешно утер затуманившиеся слезами глаза и заставил себя читать дальше.

«Я, ничтожный слуга ваш, рождён был простолюдином и сам пахал землю в Наньяне. В смутные времена я лишь чаял сохранить жизнь, не ища славы и знатности у князей...»

«Но покойный император не побрезгал моим ничтожеством. Трижды снизошёл он до моей убогой хижины, расспрашивая о делах Поднебесной. Сердце моё преисполнилось благодарности, и я поклялся отдать все силы служению ему...»

«Затем, когда мы претерпели сокрушительное поражение, я принял на себя заботы о войске. Я встал на защиту государства в самый грозный час. С тех пор минул двадцать один год...»

«Покойный император. Покойный император...»

Это слово, чуждое и в то же время столь разительно указывающее на него самого, отозвалось в груди Лю Бэя глухой щемящей болью.

Глядя на это обращение, Лю Бэй почувствовал, как в его сердце что-то безвозвратно надломилось.

В памяти воскресла наньянская хижина. Юный, полный дерзких надежд затворник приподнимает бамбуковую занавесь. Взмах веера из перьев, неспешные, исполненные достоинства манеры — сущий небожитель, сошедший на грешную землю.

Всё это было невыразимо давно, в прошлой жизни, но сейчас казалось, будто с тех пор не прошло и дня.

Кое-как совладав с нахлынувшими чувствами, он попытался дочитать остаток послания, но строки расплывались перед глазами, сливаясь в неразличимые черные пятна.

Тихий стук. На пергамент упала тяжёлая капля, оставив после себя темный кружок расплывающейся туши.

«Ах, — отрешённо подумал Лю Бэй, — оказывается, я плачу»

— А-Чжоу... Владыка...

Услышав знакомый голос, Лю Бэй резко вскинул голову и сощурился, сиюсь разглядеть говорившего.

Шэнь Цинчжоу стоял совсем рядом, растерянно переминаясь с ноги на ногу. Он не знал, стоит ли предложить бывшему императору платок, чтобы тот утер слезы.

Перед глазами Лю Бэя колыхался лишь неясный силуэт. Лица было не разобрать, но эта горделивая осанка, это благородное величие выдавали в стоявшем пред ним человеке личность незаурядную.

Точно такой же образ являл собой тот самый книжник тысячу восемьсот лет назад.

И тогда император Чжаоле, всегда державший свои чувства на привязи, зарыдал навзрыд.

Надрывный плач этот будто донёсся из глубин веков — от стен обречённого Города Белого Императора, пронёсся сквозь унылые осенние ветры равнины Учжанюань и ворвался в сегодняшний день.

— Кунмин!..

Он в отчаянии протянул дрожащую руку к пустоте, пытаясь ухватиться за ускользающую тень.

Но призрачный юноша лишь ласково улыбнулся ему, повернулся спиной и медленно двинулся прочь.

С каждым шагом призрак становился старше, спина его сгибалась, а походка делалась всё тяжелее и неувереннее.

Когда он дошел до края видения, это был уже совсем другой человек: в высокой чиновничьей шапке, просторном халате и с драгоценным Мечом Чжанью на поясе — образ, преисполненный величия и непреклонной воли.

Взойдя на престол, Лю Бэй велел добыть железо в горах Цзиньню и созвал лучших мастеров, дабы те выковали восемь клинков, названных позже «Восьмью мечами владыки Шу». Один он оставил себе, а остальные вручил своим сыновьям, Чжугэ Ляну, Гуань Юю, Чжан Фэю и Чжао Юню, повелев верному советнику вырезать на лезвиях памятные надписи.

Меч, доставшийся Чжугэ Ляну, носил имя его девиза правления — Чжанью.

И юный военный советник в конце концов стал великим канцлером империи Хань.

Вдруг канцлер замер посреди пути и обернулся. В его туманном взоре Лю Бэй прочитал такую непреклонную решимость, которая способна воздвигнуть нерушимую стену, неподвластную ходу времен. Даже источиться в прах, не изменить своей сути; погибнуть девять раз, но не отступить.

Призрак коснулся рукояти Меча Чжанью и продолжил свой путь, пока окончательно не растаял в слабом сиянии.

Лю Бэй беззвучно шевельнул губами:

—... А-Чжоу.

— Я здесь, — поспешно отозвался Цинь Чжо.

Постепенно блуждающий взгляд Лю Бэя обрёл ясность. Он устремил взор на Шэнь Цинчжоу, но заметив на его лице вежливую, однако непреодолимо холодную отстранённость, ощутил, словно его окатили ледяной водой. Последняя искорка надежды в груди угасла.

«Что ж, пустое... Всё равно мы оба лишь тени ушедших эпох»

Лю Бэй горько вздохнул, утёр слёзы и бережно сложил бумагу.

— Сбереги это писание. Держи в сухом месте, береги от сырости и тлена. Пусть ни один иероглиф не пострадает.

— Слушаюсь, — со всей серьёзностью кивнул Цинь Чжо.

— Кунмин... Неужто тебя и впрямь нет в живых? Но если ты уцелел, подобно мне, то где же скитаешься ныне?.. — пробормотал Лю Бэй, и его плечи бессильно опустились.

Цинь Чжо смолчал — ему нечего было ответить. Да и никто из присутствующих не посмел бы нарушить это скорбное молчание.

Лю Бэй прикрыл глаза, шумно выдохнул, а когда распахнул их вновь, взгляд его полыхнул неистовым огнём.

Он скользнул взором мимо Цинь Чжо и Дунфан Цзе, уставившись на застывших поодаль, словно каменные изваяния, Цинь Сыминь и Су Пинь.

— До меня долетели слова этой телохранительницы. Она сказала, будто некий Цай Бинь замышляет мятеж? И этот подлец, кажется, носит звание канцлера?

В юности Лю Бэй обучался у великого конфуцианца Лу Чжи, но к книжной премудрости душой не лежал. Куда милее ему были псовая охота, лихие скакуны да вольные беседы с удалыми молодцами. Описание в летописи Шу гласило о нём: «Великодушен, стоек и мягок сердцем, умеет ценить мужей». Но правитель, заслуживший посмертное имя Чжаоле — «Прославленный и Яростный» — и храмовое имя Ле-цзу, никогда не отличался кротостью.

Напротив, в час гнева яростью своей он мог поспорить со своим названным братом Чжан Фэем.

Теперь он процедил сквозь зубы, сверкая ледяным взором:

— И эта мразь смеет именоваться канцлером?

Цай Бинь стоял, заложив руки за спину, и созерцал далёкие горы. Он смотрел на сочную зелень склонов с затаённой, ядовитой злобой.

Таоте развалился у низкого столика, бесцеремонно закинув ногу на ногу. Перед ним громоздилась целая гора пустых ларей из-под яств. Он лениво, с явной скукой постукивал когтем по дереву, и в каждом его движении сквозило раздражение.

— Слышь, Цай Цинжу, — проворчал Таоте, и он помрачнел. — Твои люди совсем никчёмные? Я самолично начертил вам путь в Царство Шаохао. Почему вы до сих пор никого не поймали?

Он приподнял пустой короб, потряс им и швырнул в сторону.

— В былые времена я бы сожрал такого слугу в один присест.

В груди Цай Биня тоже клокотала злость, но выплеснуть её на древнее чудовище он не смел.

— Смилуйтесь, господин, наберитесь терпения... — выдавил он.

— Да ладно тебе! — отмахнулся Таоте, обрывая его на полуслове. — Оставь свои нелепые оправдания, пустоголовый мешок.

Он небрежно отряхнул полы одеяний и не спеша поднялся. В его прищуренных, антрацитово-чёрных глазах сверкнула золотая искра, а сам он хищно оскалился.

— Впрочем, искать их больше не придётся, — лениво протянул зверь. — Гляди, они сами пожаловали.

Цай Бинь оцепенел. Ледяной озноб пробежал по его хребту, заставив волосы на теле встать дыбом.

Он инстинктивно отпрянул в сторону — и вовремя. Земля, где он только что стоял, с грохотом разверзлась, окутавшись клубами пыли. На её месте пролегла глубокая трещина в несколько сажень длиной.

Ощупав левую руку, Цай Бинь обнаружил, что его рукав изорван неистовым порывом ветра. Жалкий обрывок ткани уныло колыбался, словно насмехаясь над его беспомощностью.

— Кто здесь?! — взревел он, багровея от ярости. — Выходи, трусливая тварь!

Глядя на его бесчинство, Таоте лишь презрительно цыкнул, снисходительно ухмыльнувшись.

Цай Бинь дико озирался. На его коже начали проступать зловещие угольно-чёрные письмена, а тело окутала плотная ядовитая дымка.

— Да вас тут немало собралось...

Он шумно вдохнул и внезапно вперил взгляд в густые заросли на краю поляны.

— Они там! Смерть им!

По этому грозному клику телохранители Цай Биня сорвались с мест. Четыре фигуры мгновенно рассыпались веером призрачных теней, обнажая скрытые клинки, секиры, боевые веера и кисти. Они лавиной хлынули к убежищу незваных гостей.

Опасаясь раскрыть тайну союза с Таоте и одновременно страшась оставаться с чудовищем с глазу на глаз, Цай Бинь набрал в число носильщиков своего паланкина лишь самых преданных убийц. Эти безжалостные мастера боевых искусств без колебаний перерезали бы себе глотки по первому его кивку.

Они ещё не успели приблизиться, как поляну накрыла леденящая аура смерти.

Из густой листвы грациозно скользнула девичья фигура. Изысканный стан, манящие черты лица — то была верная защитница принцессы Чандин, Су Пинь.

Ничуть не растерявшись, Су Пинь поднесла ладонь к алым губам и тихонько дунула на нападавших врагов.

В воздухе разлился дурманящий, сладковатый аромат. Облако благовоний мгновенно окутало нападавших, оседая на их одеждах и лезвиях клинков.

Повинуясь многолетней привычке, нападавшие зажали рты рукавами, уберегаясь от отравы. Сменив стойку на лету, они обрушили сокрушительный удар с четырёх сторон прямо на беззащитную девушку.

Но сталь не встретила сопротивления костей и плоти. Оружие увязло в её теле, словно в водной глади — по ней пошли круги, но преграда тут же сомкнулась вновь, невредимая и чистая.

Фигура Су Пинь подернулась дымкой и растаяла без следа.

Не успели они опомниться от изумления, как из воздуха вырвался холодный серебряный сполох — навстречу им летел разящий клинок!

То была сама принцесса Чандин, Дунфан Цзе!

Убийцы поспешно вскинули оружие для защиты, однако в последний миг Дунфан Цзе круто развернулась на каблуках, прерывая выпад, и гибким движением ушла в сторону.

Пока те пытались разгадать этот маневр, прекрасная Су Пинь вновь соткалась из тумана прямо перед их лицами.

Окружённая призрачным сиянием духовной энергии, дева сплела пальцы в мистический жест и нанесла мощный удар ладонью. Нападавших отбросило назад; из их грудей вырвался хрип, а в жилах забурила растревоженная кровь.

Тем временем Дунфан Цзе, скользнув юркой рыбой, уже заходила им со спины.

Сплочённые годами совместных битв, мертвецы-прислужники разделились на пары и встали плечом к плечу, перекрывая все подступы.

Их натиск был безупречен: атака сменялась глухой защитой, один наступал, пока другой прикрывал брешь. Против такого слаженного строя ни принцесса, ни её защитница не смели идти напролом.

Впрочем, сокрушать врага и не требовалось. Их единственной задачей было сковать неприятеля боем.

Цай Бинь хмуро следил за ходом схватки. В душе его шевелилось нехорошее предчувствие. Именно эта подспудная тревога удержала его от прямого вмешательства, хотя момент для убийства принцессы казался идеальным.

Веко предательски задергалось. Тучи сгущались.

У принцессы Чандин было два знаменитых клинка: Тысяча Огней в Шатрах и Гора в Десять Тысяч Жалоб.

«Тысяча Огней в Шатрах» мелькала в её руках, но где же скрывался второй меч? Навряд ли гордая воительница рассталась бы со своим сокровищем.

Немедля, Цай Бинь выхватил из-за пазухи сигнальный снаряд и рванул чеку. В небеса с визгом взлетела ракета, рассыпавшись багровыми искрами особого знака — призывом для всех имперских стражников в округе.

Заметив это, Дунфан Цзе широким круговым ударом отразила нападающую сталь и крикнула:

— Кончаем с ними! Быстрее!

Су Пинь молча кивнула, полностью сосредоточившись на битве.

Таоте лишь лениво свесил лапы. Сия возня навевала на него непреодолимую скуку. Подобная потасовка казалась великому зверю жалкой детской игрой — ни размаха, ни красоты, ни настоящей свирепости.

Он вновь опустился на циновку и принялся лениво ковырять когтем пустую коробку.

Вдруг Дунфан Цзе совершила резкий скачок назад, отразив очередной выпад, и взмахом руки швырнула свой клинок «Тысяча Огней в Шатрах» далеко назад, в глубь леса!

Сверкающий луч прорезал воздух, устремляясь прямо к сердцу Цай Биня!

Принцесса лишь недавно укрепилась на поздней ступени Очищения Семени в Ци, тогда как Цай Бинь стоял на пороге Слияния Духа с Пустотой. Разумеется, он лишь презрительно фыркнул, глядя на столь жалкую уловку.

С глухим смешком он протянул руку, намереваясь перехватить оружие.

Но всё пошло прахом. Вслед за летящим мечом, точно бесплотная тень, из лесной чащи вынырнул незнакомый старец. Он опередил движение канцлера и мертвой хваткой сомкнул пальцы на рукояти.

В то же мгновение клинок полыхнул ослепительным сиянием, и на Цай Биня обрушилась мощь великой реки, способная сокрушить любые преграды.

Присмотревшись, канцлер обомлел: перед ним стоял пожилой воин, чьё лицо избороздили глубокие морщины.

Пришелец смотрел сурово и безжалостно, и от этого взгляда душа Цай Биня заледенела от страха.

Воин не спешил наносить смертельный удар. Он замер на месте, бесстрастно взирая на изменника.

И тут Цай Бинь заметил, что в другой его руке покоится второй клинок принцессы — «Гора в Десять Тысяч Жалоб».

— Так это ты зовёшься Цай Бинем? — спросил Лю Бэй, глядя на фальшивого канцлера сверху

вниз.

На лице изменника проступила угодливая мина:

— Он самый.

— Смердящий пёс, предавший своего господина! — прогремел Лю Бэй, не таясь. — И у тебя хватило наглости занять место канцлера?

Маска благодушия мгновенно сползла с лица Цай Биня.

Не удостоив его более взглядом, Лю Бэй обернулся к Дунфан Цзе, которую Цинь Сыминь уже успела увести из-под удара:

— Гляди внимательно, малышка! Сегодня я покажу тебе, что такое истинное искусство стиля Гуин!

Слова его ещё не затихли, а яростный вал смертоносной энергии уже накрыл поляну.

Один человек. Два меча.

И сталь, рассекающая бездну в тысячу восемьсот лет.

<http://bllate.org/book/18428/1863133>